

Письма в ЦК КПСС

А. Д. САХАРОВ

1. Члену политбюро ЦК КПСС М. А. Суслову

А. Д. Сахаров

В настоящее время по дипломатическим каналам, а также в отдельных публичных выступлениях обсуждается вопрос о так называемом моратории противоракетной обороны. На пресс-конференции в Лондоне и Нью-Йорке Председателю Совета Министров СССР товарищу А. Н. Косыгину были заданы вопросы на эту тему.

В конце письма я подробнее остановлюсь на точке зрения, выраженной в ответах товарища Косыгина, здесь же только отмечу, что эти ответы по необходимости были очень краткими, при этом ответ на конференции в Нью-Йорке несет на себе определенный отпечаток острой политической конъюнктуры, сильно отличается по общему тону от более раннего ответа в Лондоне. В советской печати отсутствуют какие-либо статьи, специально посвященные проблеме моратория.

Мне представляется, что опубликование дискуссионной статьи на эту тему может быть полезным.

Мною совместно с известным публицистом Э. Генри (С. Н. Ростовский) подготовлена для опубликования беседа, затрагивающая проблему моратория.

Я прошу Вашей санкции на опубликование беседы. Ввиду ее дискуссионного характера, мы намечали опубликовать ее в «Литературной газете», которая наиболее пригодна для выражения неофициальной точки зрения.

Позволю себе кратко остановиться на своем понимании существа проблемы моратория и причин, делающих целесообразным, по моему мнению, ее обсуждение в печати.

Речь идет о двустороннем отказе США и СССР от сооружения системы противоракетной обороны (ПРО) против массированного напа-

дения сильного противника с сохранением тех работ, которые необходимы для защиты от ракетной агрессии малого масштаба. Выдвижение этой проблемы Джонсоном и Макнамарой, по-видимому, носит временный, конъюнктурный характер и обусловлено, вероятно, предвыборными соображениями, но объективно, по моему мнению и мнению многих из основных работников нашего института, отвечает существенным интересам советской политики, с учетом ряда технических, экономических и политических соображений.

Ряд аргументов по проблеме моратория изложен в беседе, но в открытой печати, естественно, не представлялось возможным освещать все военно-экономические и военно-технические аспекты проблемы ПРО. Некоторые из этих аспектов отражены в официальных документах, представленных в ЦК КПСС товарищами Ю. Б. Харитоном, Е. И. Забабахиним.

Советский Союз в настоящее время обладает значительно меньшим технико-экономическим и научным потенциалом, чем США. (Валовый национальный продукт на душу населения, по зарубежным оценкам, отличается в 2,5 раза; выпуск электронных вычислительных машин – показатель, очень важный для оценки военно-технического потенциала – отличается более чем в 15–30 раз; расходы на точные науки и технологические исследования – отличие в 3–5 раз, при этом эффективность расходов различается в несколько раз не в нашу пользу; разрыв по всем этим и другим важным показателям, кроме валового, – возрастает). Это отличие заставляет СССР и США по-разному оценивать возможность создания наступательного и оборонительного оружия.

В наступательном оружии существует так называемый «эффект насыщения» – если вы можете уничтожить противника, то дальнейшее усиление мало что меняет. В области ПРО «эффекта насыщения» нет и исход соревнования, напротив, определяется соотношением технико-экономических потенциалов. Распространение соревнования на эту область для нас невыгодно, и даже при отсутствии соглашения о моратории мы будем, вероятно, вынуждены односторонне

действовать почти так, как если бы такое соглашение существовало, затрачивая основные усилия на дополнительное усиление системы нападения для преодоления американской ПРО и практически почти отказавшись от попыток соревнования в области создания собственной ПРО. Но это далеко не наилучший для нас вариант, так как у США сохранится большая свобода военно-технической политики и будет потеряна возможность важного для нас пропагандистского эффекта – ведь СССР и США, заключив соглашение о моратории, тем самым отказываются от политики взаимных угроз, от соблазна нанесения превентивного удара под прикрытием создающего иллюзию безопасности противоракетного «щита» (именно иллюзию, так как эффективная ПРО против массированного нападения равносильного противника сейчас невозможна.

Такое соглашение очень ободрило бы силы мирного сосуществования, облегчило бы дальнейшие шаги в области разоружения и ослабления напряженности.

Товарищ А. Н. Косыгин, выступая в Нью-Йорке с кратким ответом по вопросу моратория, защищал точку зрения о невозможности рассмотрения сейчас этой проблемы отдельно от общей проблемы разоружения. Естественно, что в условиях обострения международной обстановки столь сложный и недостаточно готовый для решения вопрос не мог быть исчерпывающе обсужден; но при рассмотрении проблемы моратория в более подходящей обстановке, с моей точки зрения, следует иметь в виду три обстоятельства:

1) хотя система ПРО не является сама по себе средством нападения или агрессии, но она может служить для агрессора средством, обеспечивающим безнаказанность, может увеличить соблазн превентивной войны. Поэтому отказ СССР и США от ПРО явился бы яркой демонстрацией готовности к сосуществованию;

2) отсутствие соглашения о моратории приведет к гонке не только оборонительных, но и наступательных систем, которые будет необходимо усилить для гарантированного прорыва обороны. Такой исход не выгоден для нас и экономически, и политически, и стратегически. Он усилит разрыв в темпах экономического, научного и технологического прогресса СССР и США, что уменьшает возможность «общего политического урегулирования»;

3) работы по ПРО в США очень продвинуты, имеется солидный «технический» задел по ряду систем.

Хотя все это еще не дает эффективного решения проблемы ПРО, но является симптомом, что начавшийся в 1957 г. период приблизительного и неустойчивого равновесия сил возмездия не вечен, возможно нарушение этого равновесия или иллюзия нарушения. Неужели мы упустим возможности общего урегулирования, пока они существуют?

Если эти предпосылки, определяющие наше отношение к проблеме моратория, в какой-то мере верны, то необходимо использовать все возможности, которые возникли в связи с предложениями Джонсона («поймать американцев на слове») как в смысле реального ограничения гонки вооружения, в котором мы заинтересованы больше, чем США, так и в пропагандистском смысле, для подкрепления идеи мирного сосуществования. В частности, представляется целесообразным начать открытое обсуждение проблем моратория в печати.

Среди зарубежной научной и технической интеллигенции имеется много влиятельных групп и отдельных лиц, которые при благоприятных условиях могут явиться силой, сдерживающей «ультра» и «ястребов». Эти группы играли важную роль при подготовке Московского договора о запрещении испытаний и в ряде других вопросов. В США роль таких групп и лиц при Джонсоне сильно упала по сравнению с эпохой Кеннеди, имеется определенная растерянность в связи с общим обострением обстановки, но все же эти силы существуют.

Позиция таких групп, как нам кажется, получит существенную поддержку, если советские ученые, в том числе связанные с новой военной техникой, будут проявлять разностороннюю инициативу в духе мирного сосуществования. Статья дискуссионного характера в этом плане может быть даже более ценной, чем повторение точки зрения, уже высказанной в официальном порядке.

Прошу Вашего разрешения на опубликование беседы в «Литературной газете».

С данным письмом, естественно, я просил бы Вас ознакомить товарищей А. Н. Косыгина и Л. И. Брежнева, а также всех тех лиц, участие которых в обсуждении Вы найдете желательным.

С глубоким уважением А. Д. Сахаров.

21 июля 1967 г.

Печатается с сокращениями

2. Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачёву

Глубокоуважаемый Михаил Сергеевич!

Почти семь лет назад я был насильственно депортирован в г. Горький. Эта депортация была произведена без решения суда, т. е. является незаконной. Никаких нарушений закона и государственной тайны я никогда не допускал. Я нахожусь в условиях беспрецедентной изоляции под непрерывным гласным надзором. Моя переписка просматривается и часто задерживается, а иногда фальсифицируется. С 1984 г. в такой же противоправной изоляции находится моя жена, осужденная к ссылке, режимом которой подобная степень изоляции не предусматривается. Приговор и клеветническая пресса переносит на нее ответственность за мои действия.

Я лишен возможности нормальных контактов с учеными, посещения научных семинаров, что в наше время является необходимым условием плодотворной научной работы. Редкие визиты моих коллег из Физического института АН СССР не исправляют этого нетерпимого положения, по существу, это фикция научного общения.

За время пребывания в Горьком мое здоровье ухудшилось. Моя жена – инвалид Великой Отечественной войны второй группы, с 1983 г. перенесла многократные инфаркты. В США ей была сделана тяжелейшая операция на открытом сердце с установкой шести шунтов, и операция ангиопластики на бедре. Она сейчас фактически является глубоким инвалидом, нуждающимся для сохранения жизни в непрерывном медицинском контроле, в уходе и климатолечении. В этом же нуждаюсь и я. Всего этого мы лишены в условиях моей депортации и ее ссылки.

Я повторяю свое обязательство не выступать по общественным вопросам, кроме исключитель-

ных случаев, когда я, по выражению Л. Толстого, «не могу молчать».

Позволю себе напомнить о некоторых своих заслугах в прошлом.

Я был одним из тех, кто сыграл решающую роль в разработке советского термоядерного оружия (1948–1968 гг.). По моей инициативе в 1963 г. Советское правительство предложило заключить Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах, получивший название «Московский договор». Вы неоднократно отмечали его значение. Прекращение испытаний в атмосфере спасло жизнь сотен тысяч людей.

В силу своей судьбы я много думал о проблемах войны и мира. В своей общественной деятельности я отстаивал принцип открытости общества и соблюдение права на свободу убеждений, информации и передвижения – как важнейшей основы международной безопасности и доверия, социальной справедливости и прогресса. В феврале 1986 г. я обратился к Вам с призывом об освобождении узников совести – людей, репрессированных за убеждения и связанные с убеждениями ненасильственные действия.

Вместе с покойным академиком И. Е. Таммом я был инициатором и пионером работ по управляемой термоядерной реакции (системы типа «Токамак», лазерное обжатие, мю-мезонный катализ). Предложенное мною использование термоядерных нейтронов для производства ядерного горючего позволит исключить самое опасное и сложное звено в атомной энергетике будущего – бридеры на быстрых нейтронах, и упростить, т. е. сделать более безопасными, энергетические атомные реакторы.

Я хотел бы при прекращении моей изоляции принять участие в обсуждении этих проектов, в частности, в осуществлении программ международного сотрудничества с целью создания мирной термоядерной энергетике.

Я надеюсь, что Вы сочтете возможным прекратить мою депортацию и ссылку жены.

С уважением
Сахаров Андрей Дмитриевич,
академик.

22 октября 1986 г.
603137, Горький,
Гагарина, 214, кв. 3.

Интервью